

В. Л. Волгин
(канд. полит. наук,
зам. директора, Калмыцкий филиал НОУ ВО
«Московская академия экономики и права»)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-76-80

Особенности этнической, гражданской и религиозной идентичности студентов в Калмыкии

В рамках научного проекта Института этнологии и антропологии РАН в 2014 г. в Приволжском, Северо-Кавказском, Центральном и Южном федеральных округах проводилось исследование, направленное на выявление отношения студентов образовательных организаций высшего образования к ситуации в России и проблемам, стоящим перед молодежью, социальной ориентации и деятельному потенциалу молодых людей. Использовался метод анкетирования — самостоятельного заполнения опросника респондентами. Опрос осуществлялся на основе инструментария, содержащего различные информационные блоки, в том числе идентификационный блок, отражающий, в частности, этнический, гражданский, конфессиональный векторы самоопределения и самоидентификации студенчества полиэтничных регионов.

Всего в рамках проекта было опрошено 5 537 студентов в 22-х субъектах РФ, в том числе 300 — в Калмыкии, где исследование осуществлял автор данной статьи. Опрос проводился среди студентов очной и заочной форм обучения Калмыцкого государственного университета и Калмыцкого филиала Московской академии экономики и права.

В настоящей статье излагаются некоторые результаты исследования, прямо или косвенно характеризующие специфику этнической, гражданской и религиозной идентичности студентов в Калмыкии.

Опрос показал, что подавляющее большинство студентов (90,3 %) четко определяли свою этническую принадлежность. Вместе с тем не для всех решение задачи этнической самоидентификации имело однозначное решение.

72,2 % назвали себя калмыками. В то же время, иногда делались небезынтересные уточнения. Были случаи выражения сомнения («калмык вроде»), акцентов на субэтническом аспекте («калмык (торгуд)»), на «смешанности» происхождения («калмычка (метиска)»).

14,5 % сочли себя русскими. Кроме того, двое указали применительно к себе «славянскую» национальность, еще один — «православную».

1,3 % оказались армянами, по 0,7 % — казахами и татарами, по 0,3 % (по 1 человеку) — даргинцем, тувинкой, чеченцем.

6,7 % студентов не ответили на вопрос о национальности. Исходя из опыта аналогичных исследований, можно сказать, что кто-то затруднился сделать однозначный ее выбор при двойной или множественной этнической принадлежности. Как правило, это дети от межэтнических браков, члены семей с полиэтничным составом. Для кого-то отказ от ответа оказался делом правового выбора и принципа. Так, один из студентов пояснил, что называть свою национальность он «в соответствии с Конституцией РФ не обязан», другой вообще уклонился от этнической самоидентификации, сообщив: «Я не принадлежу к какой-либо национальности».

Имелся случай осознанного выбора смешанной этногражданской идентичности, когда студент назвал себя «калмык–россиянин».

Наконец, был пример отношения к выбору этнической принадлежности как к возможности, говоря молодежным сленгом, «приколоться». Некий респондент назвал себя «узбеком», при этом также протестантом 30 лет, знающим только русский язык и первокурсником очной формы обучения в Калмыцком филиале Московской академии экономики и права. Такая смесь признаков не только крайне маловероятна сама по себе, но дело еще и в том, что автор работает в филиале МАЭП и доподлинно знает: студента с такими характеристиками там нет.

Сохраняя в подавляющем большинстве свою этническую идентичность, студенты при опросе продемонстрировали также обладание ясными гражданскими ориентирами.

Вопрос «О какой из перечисленных групп Вы можете сказать «это — мы», в какой степени вы ощущаете близость с представителями различных групп?» не ограничивал респондентов в количестве предложенных составителями анкеты ответов. Чаще всего студенты объединяли себя с членами семьи (74,1 %), а на втором месте оказался ответ «мы — граждане России» (61,6 %). Далее шли объединение с друзьями (60,3 %), товарищами по работе, учебе (35,7 %), жителями моего города, села (33 %) и другие варианты.

Гражданская идентичность уступила только семье и немного опередила круг друзей, но при этом оказалась более востребована студенческой молодежью, нежели принадлежность к своему этносу. Формулировка «мы — это люди той же национальности, что и моя национальность» получила относительно немного голосов (23,6 %), особенно если учесть, что опрос проводился в национальной республике, доля калмыков среди респондентов составила почти три четверти, а количество ответов, повторим, не ограничивалось.

Это может свидетельствовать о том, что в вопросе идентичности этнический фактор не является исключительным или преобладающим и сочетается с другими маркерами, прежде всего, — с гражданским самоощущением.

Такой вывод подтвердили и ответы на вопрос «С чем ассоциируется у Вас понятие «Родина»?». Допускалось выбрать не более трех вариантов из девяти предложенных. В результате Родину ассоциировали с Россией 63,2 % (кроме того, с историей России — 19,6 %). С Калмыкией — 62,8 % (с историей республики — еще 14,9 %).

В данном случае, как представляется, можно говорить о балансе российско-гражданского и калмыцкого этнорегионального восприятия Родины. И оно оказалось заметно популярнее по сравнению с образом своего города (31,1 %), места на карте (3,7 %).

Применительно к анализу состояния гражданской идентичности обучающихся можно также рассматривать ответы на вопрос о планируемой работе после получения студентами высшего образования (указывалось не более трех вариантов ответа). Предпочтение респондентов было отдано намерению стать государственными служащими, чиновниками — 38,9 %. Остальные варианты (работать на госпредприятии, частном предприятии, за рубежом, организовать собственное дело и другие) оказались менее востребованными. С одной стороны, в таких устремлениях молодежи есть прагматичный, карьерный и, возможно, отчасти меркантильный расчет. Но, с другой стороны, желание связать свою профессиональную деятельность со службой государству в определенной степени тоже свидетельствует об осознанном гражданском самоопределении студентов.

Самоидентификация студентов по религиозной принадлежности выявлялась на основе ответов на вопрос: «Последователями какой религии или мировоззрения Вы себя считаете?».

Поскольку большинство опрошенных были калмыки, преобладающая часть респондентов (63 %), естественно, назвала себя последователями буддизма. Заметим, однако, что количество его сторонников оказалось почти на 10 % меньше по сравнению с показателем калмыцкой этнической принадлежности, так что о полном совпадении «калмыцкости» и «буддистскости» говорить не приходится. На втором месте у калмыков оказался вариант «Верю, что Бог есть, но не являюсь последователем какой-то конфессии» (19 человек), на третьем — «Затрудняюсь ответить» (10). Были, хотя и немного, атеисты (3), православные и верящие в магию и колдовство (по 2).

Православными назвали себя 14,3 %, и это в значительной степени совпадает с численностью опрошенных русских. В то же время пятеро русских верят, что Бог есть, но не являются последователями какой-то конфессии. Двое — сторонники буддизма, двое — атеисты. Затруднился с ответом один.

Количество сторонников ислама в полной мере соотносилось с числом опрошенных представителей так называемых мусульманских народов — казахов, татар, даргинцев, чеченцев. Последователями григорианства оказались армяне.

Вариант «Верю, что Бог есть, но не являюсь последователем какой-то конфессии» выбрали в целом 9,3 %, причем исключительно калмыки и русские. 4,3 % затруднились с ответом. 3 % причислили себя к атеистам. 1,7 % склонились к версии «другое», указав, в частности, шаманизм, агностицизм. Еще 1,3 % верили в магию, колдовство.

Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов охотно записали себя в последователи той или иной религии (даже несколько с большей степенью определенности, нежели при указании национальности), это, на наш взгляд, не следует буквально отождествлять с религиозностью, т. е. набожностью, богомольностью студентов. Находясь в ситуации многолетнего включенного наблюдения за обучающимися и прямого общения с ними, невозможно представить, что современное студенчество в Калмыкии на 92 % (если исключить агностиков, атеистов и затруднившихся ответить) религиозно.

Кроме того, показателен факт, что анкетированные не всегда смогли грамотно написать наименование той религии, сторонниками которой они себя считают. Так, по меньшей мере, в десяти случаях слово «буддизм» было написано с одной буквой «д». Сомнительно, чтобы религиозный человек не знал, как правильно пишется название данной конфессии.

Подытоживая, отметим, что приведенные данные об этнической, гражданской, религиозной идентичности студенческой молодежи в Калмыкии, естественно, не могут исчерпывающим образом характеризовать их особенности, но являются хорошей эмпирической базой для продолжения исследований в этом направлении.